

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

Г. Л. Тульчинский

Российские инверсии в контексте цивилизационного развития: перспективы конструктивно-исторического подхода*

Grigorii L. Tulchinskii

Factors of Russian inversions “from above” and “from below”

Объяснение российских инверсий сталкивается с проблемами концептуального характера. Традиционно используемый концептуальный аппарат, набрасываемая на реальность теоретическая сетка, похоже, «не ловит» эту реальность, в лучшем случае пытается ее описать. Не улавливаются природа и механизмы, лежащие в особенностях российского общества, его динамики. Отсюда – заключения о патологии, колее, константной матричности и прочей безысходности и обреченности на воспроизводство «предрешенных» характеристик общественной жизни.

Расширение концептуального аппарата конструктивным подходом в сочетании с конкретным историческим подходом позволяет выделить не одного актора модернизационных процессов (политическую элиту, связанную с государственной властью), а как минимум двух – власть и общество, причем конструктивно не связанных. С этой точки зрения инверсивный характер российских модернизаций имеет две причины. Одна – социальная, связанная с особенностями российского социума, доминированием в нем властной воли при неразвитости социальных сил, для формирования которых нет достаточных условий. Вторая – связана с попытками модернизации, опирающимися на чей-то исторический опыт. Однако, в силу первой причины, эти попытки оказываются поспешными и непродуманными, порождая новые напряжения и деформации социума. Обе причины взаимодополняются и взаимопереплетаются.

Вместе с тем общецивилизационные процессы, такие как урбанизация, формирование массового общества, изменяют характер российского общества, реализуя его втягивание в модернизационные процессы, включая формирование гражданского национального самосознания. Это создает предпосылки для качественно нового ха-

* Работа выполнена в рамках исследования «Распределение знания в сетевом обществе: взаимодействие архаических и современных форм» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований № 18-511-00018.

рактера развития социума. Если главные факторы инверсионности со стороны «верхов» – поспешность и заимствование, то со стороны «низов» это замедленное становление буржуазии, которое, тем не менее, формирует условия для реальной медиализации.

Анализ способов объяснения инверсивной модернизации российского общества обнаруживает особые возможности в плане методологической рефлексии и выявления перспектив конструктивистского и исторического подходов.

Ключевые слова: буржуазная революция; инверсии; институционализация; конструктивизм; медиация; модернизация; нация; политическая воля; Россия.

Explanation of Russian inversions faces conceptual problems. The traditionally used conceptual apparatus, throwing a theoretical mesh onto reality, seems to not “catch” this reality, at best, tries to describe it. Nature and mechanisms that lie in the peculiarities of Russian society and its dynamics are not captured. Hence the conclusions about pathology, rut, constant matrix and other hopelessness to reproduce the “predetermined” characteristics of social life.

Expanding the conceptual apparatus with a constructive approach, combined with a specific historical approach, makes it possible to single out not one actor of modernization processes (political elite associated with state power), but at least two – power and society, and, constructively, not connected. From this point of view, the inverse nature of Russian modernization has two reasons. One is social, associated with the peculiarities of Russian society, dominated in it by the imperious will of the underdeveloped social forces, for the formation of which there are not enough conditions. The second is related to modernization attempts based on someone else’s historical experience. However, due to the first reason, these attempts turn out to be hasty and ill-conceived, giving rise to new stresses and strains of society. Both reasons are complementary and intertwined.

At the same time, general civilizational processes, such as urbanization, the formation of a mass society, change the character of Russian society, realizing its being drawn into modernization processes, including the formation of a civil national identity. This creates prerequisites for the qualitatively new character of the development of society. If the main factors of inversion “from above” are haste and borrowing, then “from below” this is the slow development of the bourgeoisie, which, nevertheless, creates the conditions for real medialization.

The Russian invers analysis reveals special possibilities in terms of methodological reflection and revealing the prospects for constructivist and historical approaches.

Keywords: bourgeois revolution; inversions; institutionalization; constructivism; mediation; modernization; nation; political will; Russia.

В российской истории четко прослеживается периодичность, когда относительно кратковременные попытки радикальных изменений, направленных на активизацию экономической и общественной жизни страны, ее государственного устройства, сменяются относительно длительными периодами стабилизации, связанными с возвратом к привычным устоявшимся практикам. Наиболее обстоятельно этот процесс описан в глубоком исследовании А. С. Ахиезера, в котором анализ развития российского общества с самого возникновения его государственности впервые позволил сделать систематически обоснованный вывод о маятниковой модели развития российского социума [1].

Согласно А. С. Ахиезеру, инверсионный цикл существует в единстве дуальной оппозиции прямой и обратной инверсии, каждая из которых возникает в результате роста внутренних противоречий, конфликтов, возникающих в крайних фазах развития. Каждой инверсии свойственно игнорирование, отрицание возможности некоторого третьего, срединного пути. Инверсии могут вызываться объективными социальными процессами роста дезорганизации, массовых фобий, выражающихся в форме бунта, массовых беспорядков. В менее ярких формах это может проявляться в мотивации индивидуального и массового поведения, стоящей за развитием событий. Иногда власть пытается вызвать инверсивный кризис, вписаться в него. Однако инверсия крайне трудно поддается институционализации и в конечном итоге, как правило, оборачивается против власти [2]. В результате история страны выглядит как институциональные колебания (если не шарахания) с широкой амплитудой между полюсами институциональных послаблений и «закручивания гаек».

Подобные волнообразно-маятниковые колебания прослеживаются в развитии любого общества, включая относительно стабильные развитые либеральные демократии. Но амплитуда этих колебательных контуров на порядок меньше, чем в России, и задается она более конкретными (часто – «техническими») проблемами, такими как банковский процент, налоги, вопросы здравоохранения, охраны окружающей среды, миграционная политика и т. п. Она не затрагивает правовых гарантий собственности, не сопровождается радикальной сменой политической и бизнес-элит, оппозиция активно участвует в политическом процессе, имеет возможность влияния на принятие решений. В России же эта амплитуда чрезвычайно размашиста – вплоть до экспроприации и радикального передела собственности – только за последние два столетия это произошло 5 (!) раз. И такие переделы сопровождаются не просто радикальной сменой элит, но и подавлением оппозиции (вплоть до репрессий).

Об этой «навязчивой повторяемости» писали и пишут многие и многие авторы. Не меньше и попыток ее объяснения.

Инверсии российского развития: рывки? маятник? колея? матрица?

Чаще всего российские инверсии связываются с непродуманной поспешностью реформ. В принципе такое объяснение напрашивается, оно бросается в глаза, выражаясь в самой событийной последовательности. Практически все модернизации в российской истории (Петровские реформы, реформы Александра II, советская индустриализация, горбачевская перестройка и ельцинско-гайдаровские реформы) имели характер рывков,

попыток вывести страну к цивилизационному фронтиру на основе или имеющихся образцов, или представлений о «законах общественного развития». В кризисной ситуации элита, стремящаяся «сделать по-быстрому», пользуется готовыми схемами, выработанными в условиях других социумов: с решенным вопросом о собственности, устоявшимися институтами. Но трансплантация не приживается, или адаптируется, трансформируя форму (иногда даже просто название), но не содержание старых институтов. Возлагавшиеся надежды не реализуются, и маятник идет в другую сторону – возврата, «стабилизации», «застоя». Длится оно до следующего впадения в ступор и очередной попытки модернизационного рывка («ускорения», «перестройки»).

Показательно, что такие разные исследователи, как Ю.С. Пивоваров, С.Г. Кордонский, А.П. Заостровцев, С.А. Никольский, Р. Пайпс, Р. Хедлунд, О.Э. Бессонова, С.Г. Кирдина, фактически в одном ключе говорят о матричной структуре, способной к самовоспроизведению и реинкарнации в различных исторических обстоятельствах. С этой точки зрения попытки изменения российского социума неизбежно оказываются относительно кратковременными и завершаются относительно длительными периодами воспроизводства «системы».

В упомянутых аналитиках отечественных авторов, при всем различии используемого материала и подходов, просматриваются общие существенные особенности российского социума. Во-первых, это доминирование в нормативно-ценностном базисе власти – как ключевого системообразующего фактора и актора. Во-вторых, вторичность экономических отношений по отношению к властным. Действительно, в России на протяжении всей ее истории никогда собственность не рождала власть, наоборот – всегда власть порождала собственность и постоянно ее переделывала. В-третьих, это доминирование государственности над правами личности в правовой и нравственной культуре. В-четвертых, отторжение либеральных ценностей и перспектив модернизации капиталистического типа. В-пятых, попытки модернизации предстают исключительно переделами власти. В этом плане и «социалистическая революция», и становление СССР, и его крах (включая перестройку) выступают этапами саморазвертывания и самовосстановления этой весьма устойчивой системы. В этой связи С.А. Никольский даже ввел идею «констант» российской культуры, определяющих сущность и возможные горизонты ее развития [6].

Нельзя не признать, что в принципе идея «матрицы», «колеи» и т. п. согласуется с известной идеей «культура имеет значение» (culture matters), согласно которой культуры, как системы порождения, хранения и трансляции социального опыта, решающим образом сказываются на развитии социума [3]. Кроме того, такой подход напоминает идеи Д. Норта и его коллег о двух

типах общественных систем – с институтами ограниченного и неограниченного доступа к ресурсам [7]. Однако ход новейшего развития дает мало оснований для оптимистических оценок перспектив развития обществ в рамках «жестких» институциональных матриц.

Согласно А. С. Ахиезеру, инверсионным процессам противостоит развитие медиации – сокращение амплитуды раскачивания и выработки процедур нахождения «срединного пути», снятия крайностей полюсов дуальности. Медиация постоянно нацелена на выход за рамки оппозиций, развитие новых смыслов, созидание новых ценностей, норм, отношений. Она требует и формирует рост интеллектуального напряжения в поисках новых решений, новых путей, новых институтов. В этом плане медиация аналогична процедурам делиберации. Примером развитой медиации является либеральная демократия, сама являющаяся результатом многоуровневой медиации. Дискуссии о медиации, ее поисках ведутся в российской исследовательской среде все активнее, и на достаточно высоком уровне. Возможно, что институционализируемая делиберация (медиация), в случае ее реализации на относительно длительном временном отрезке, способна создать условия для кумулятивного развития, а не прерывистого развития российского социума. Однако для запуска такого процесса необходимы акторы и их политическая воля.

С точки зрения теории и практики управления подобные ускоренные «транзиты» являются принудительными нововведениями, такими «революциями сверху». У принудительного нововведения имеется несомненное достоинство – оно способно дать выигрыш во времени, когда или уже времени совсем не остается, или власти хочется что-то «сделать по-быстрому». Поскольку такой путь – суть продавливание властной воли, постольку он всегда связан с какими-то формами сопротивления (личностного, организационного, осознанного, стихийного). Люди, включая исполнителей властной воли, могут противиться самой идее реформ, могут не понимать смысла происходящего, или понимать его, но неправильно. Поэтому принудительное нововведение предполагает полноту властных полномочий, необходимых для структурных изменений, контроля, санкций, наказаний, просто насилию по отношению к противникам изменений.

История знает опыт успешных принудительных преобразований (Япония, Сингапур, Республика Корея, Тайвань, Китай), когда в течение 10–15 лет в обществе радикально меняется институциональная среда и страна выходила из «третьего мира в первый». Такой путь выглядит особенно привлекательным для авторитарных и тоталитарных политических режимов. Но и гарантий успеха такой путь не дает. Непродуманность и поспешность действий оборачивается крахом и утратой легитимности. Причем непродуманность и поспешность дополняют и стимулируют друг друга. С одной сторо-

ны, поспешность часто не оставляет выбора и принимаются самые простые решения, без учета долговременных последствий. Или лица, принимающие решения, сознательно выбирают простые, если не упрощенные, решения, которые нередко строятся на идеологической утопии. При этом, с другой стороны, опасность непродуманной поспешности, реализации «коротких мыслей» заключается еще и в том, что обычно реформаторы много обещают, вызывая неоправданные надежды. Крах таких надежд больно бьет не только по репутации, но и по легитимности инициаторов реформ. В том и в другом случае де-факто констатируется их несостоятельность, связанная то ли с отсутствием необходимой политической воли, то ли с неадекватностью оснований принимаемых решений, включая базовые концепции и модели.

В целом можно признать, что, несмотря на интересные и перспективные обобщения, суть конкретных механизмов модернизационных инверсий в России остается непроясненной. Сказываются издержки сильных обобщений, слабо конкретизируемых метафор. В результате анализ взаимодействия конкретных социальных сил, определяющего динамику социального развития, сводится к роли власти, правящей элиты, ее ошибкам и несостоятельности. Иными словами, требуется смена концептуальной оптики, позволяющей расширить круг факторов инверсий.

Методологическое отступление

Ранее [8] уже обращалось внимание, что в анализе модернизации стремления, намерения, воля принципиально не могут быть редуцированы к наблюдениям, описаниям и установлению каузальности. В предмете модернизации – идеи, проекты и технологии. Поэтому методология ее исследования – интерпретации не только в виде параметрических моделей, но как реконструкции опыта, породившего определенный результат, включая стремления, возможности, противостояния и т. п. В социальных же, а тем более в гуманитарных науках исследуемая реальность (включая экономические и политические процессы) – суть поле и результат взаимодействия, конкуренции, конфликтов, компромиссов различных социальных акторов, каждый из которых имеет намерения, цели, планы и проекты, располагает какими-то ресурсами, организует и координирует какие-то действия, кампании. Редко, когда такие замыслы реализуются полностью. Чаще в итоге получается равнодействующая этих усилий. Именно это имеется в виду, когда историю понимают как «равнодействующую волю» (Л. Н. Толстой, Ф. Энгельс). В полной мере относится это и к модернизации – как опыту воплощения различных волю, намерений.

Основные проблемы объяснения модернизации – и издержки подведения под общую категорию, и элиминация вменяемого политического актора –

указывают на возможную фокусировку их решения. Речь идет о необходимости учета конструктивного (порождающего) характера человеческой активности, и научного познания в том числе. И такая фокусировка оказывается в тренде общей методологической рефлексии последних полутора столетий. Конструктивизм, алгоритмизация, программирование, рекурсивность – тренд, в котором внимание смещается на процессы, процедуры, порождающие предмет знания. Человек понимает нечто, если знает, как это нечто сделано, а объяснение – не столько подведение под известное общее, сколько указание порождающей процедуры.

Реформы – алгоритмический процесс. К успеху ведут правильные шаги в правильной последовательности. Правильные шаги, но не в той последовательности не приводят к победе. Процедурно-алгоритмическое объяснение открывает путь к пониманию реформ и модернизации как шахматной партии. Все ходы известны из теории, правил и предыдущего опыта. Но делаются эти ходы, исходя из конкретной диспозиции здесь и сейчас. Они могут оказаться успешными или нет. Именно этот опыт порождает «множественность» модернизаций (Ш. Эйзенштадт). Или, как отмечал С. Хедлунд, *history matters* [9, с. 287–332].

И причины российских инверсий в том, что *culture matters* потому, что *history matters!* Россия имеет давний исторический опыт антирыночного управления, в условиях которого формируется и закрепляется мотивация не создания добавленной стоимости, а поиск, захват и (возможно) предоставление ренты. Более того, Россия имеет богатый опыт успешного выхода из кризисов (1598, 1861, 1917, 1991, 1998 годов) за счет проведения изменений «сверху» при пассивной роли населения. «Великая Октябрьская революция» также заключалась в захвате политической власти и проведении «сверху» последующих преобразований. Именно в силу относительной успешности этого опыта он и закрепился в «матрице». И для не ограниченной ничем власти реформы выглядят весьма соблазнительным искушением еще одного проявления своего доминирования. Однако искушение власти оказывается искушением властью.

Внешне, формально Россия за 1917–2017 годы прошла путь европейской модернизации: урбанизация и массовое общество, ролевая революция и новые социальные лифты. Но с конструктивистской точки зрения принципиально важным оказывается содержание этого пути – подорванное сельское хозяйство, заточенные под решение военных задач промышленность и наука. Новый класс, бюрократическая номенклатура, напоминает «революцию менеджеров», но она не способна и не мотивирована к созданию конкурентной среды, условий для возникновения инноваций, их поддержки. Даже исторический фон воспринимался элитой по-разному. 1960-е годы за рубежом были восприняты как пик ресурсного развития ци-

визации, осознание необходимости перехода к стратегиям возобновляемого роста, качественно новым технологиям – что и породило нынешнюю технотронную постиндустриальную цивилизацию. В СССР же рентное благолепие 1960-х открыло в «голубых далах светлое здание коммунизма», породило совершенно неадекватные цели, артикулированные на XXII съезде КПСС. К чему это привело – хорошо известно. Причем инерция рентных ресурсных иллюзий сохраняется до сих пор, порождая эффект «анти-Мидаса».

Но, как показывает исторический (включая упоминавшийся новейший) опыт ряда стран, развитием культур можно управлять и в течение 15 лет добиваться радикальных успехов. И это не линейный процесс. Для конструктивных изменений социума необходимы социальные силы – социальные группы, имеющие артикулированные интересы и ресурсы их достижения: финансовые, или организационные, или информационные, или символические, или и те, и другие... А российское общество – обессиленное, а точнее – обессилено властью: ключевой вопрос для России до сих пор – не экономика, а власть. В России на протяжении всей ее истории не собственность рождала власть, а власть порождала собственность и постоянно ее перераспределяла. До сих пор ключевой вопрос российской экономики и перспектив российского общества – вопрос о собственности, гарантий ее защиты.

Введение институтов без мотивированной опоры на реальные интересы выхолащивает смысл преобразований, порождая использование новых институтов в закреплении схем многоуровневых кормлений. А игнорирование инерционности человеческого капитала, социально-культурной памяти, стремление вытеснить ее символической политикой и пропагандой и скоропалительными решениями имеет результатом сопротивление реформам, их осознанное – или не очень – неприятие. И круг замыкается.

Колея ли это? Вечный маятник? Отчасти – да. Но до тех пор, пока не будет проявлена внятная и вменяемая политическая воля к модернизации, воля не только сверху, но и снизу.

Роль «низов»

Инверсивный характер практически всех российских модернизаций последних двух столетий может объясняться не только непродуманными «транзитами», а срыв этих попыток в архаику во многом определялся не просто «константами» «матрицы» российского социума. Представляется важным учет роли не только «верхов», иницирующих реформы, но и «низов», а точнее – долгий путь российских «низов» из крестьян в граждан. Речь идет фактически о парадоксальности русской буржуазной революции.

«Буржуазная» понимается безоценочно, в буквальном историческом смысле – как приход к власти среднего класса, средой формирования которого выступает город. Практически во всех европейских языках слово «гражданин» восходит к слову «горожанин» (бюргер, буржуа, ситизен, мещанин). И буржуазная революция – приход к власти горожан – закономерный этап развития цивилизации: со времен неолита, когда начали формироваться первые городки и население постепенно, но все интенсивнее перетекало из сельской местности в городскую среду.

Классики марксизма-ленинизма были глубоко и принципиально правы, связывая национализм с буржуазным обществом. Феномен нации – продукт модерна и формирования буржуазного общества. В Античности и Средневековье наций не было – были народы (этноты) и подданные. Однако с ростом городов, в которые, особенно в связи с фабричным производством, следовавшей индустриализацией, стекались люди разных народностей, этносов, религиозных взглядов, возникал запрос на новую легитимность. А в городах уже включались мощные социально-культурные технологии: единый административный язык, минимальный образовательный стандарт, медиа, развлечения, театр, литература, другие искусства, гуманитарные науки, особенно – история, философия... Этот запрос в политическом плане и воплощали буржуазные революции, выведившие на первый план политической жизни горожан, третье сословие. Горожанам свойственна гражданская идентичность, политической формой которой является гражданский (буржуазный) национализм.

И с этой точки зрения российская ситуация выглядит парадоксально. Вхождение России в модерн, формирование нации началось в 1905 году и продолжается до сих пор. В России эти процессы получили выражение в плодах Великой реформы и в первых шагах реальной модернизации. Политически это нашло выражение в Октябрьском манифесте 1905 года. Россия получила парламент, возникли партии, активно началось формирование законодательства. Возникла верхушечная городская культура Серебряного века.

Однако перспективу модернизации по капиталистическому пути признали не все слои общества. Этот путь отвергали крестьяне, видя в «кулаках» «мироедов». Новую буржуазию условных «лопахиных» не признали не только аристократы – владельцы «вишневых садов», но и интеллигенция, призывавшая «слушать музыку революции». Тем не менее, Первая мировая война вызвала невиданную волну национального патриотизма. Даже столица была переименована на русский лад.

Следующая фаза Российской буржуазной революции – Февраль 1917 года – уже питалась слабостью царского режима, оказавшегося несостоятельным в Первой мировой войне, но и сама оказалась этой войной

обессилена и была сметена Октябрьским переворотом, в котором большевики возглавили фактически крестьянскую революцию, ввергнувшую страну в кровопролитие Гражданской войны. Российский марксизм дал новую жизнь революционно-демократическому движению в фазе теоретического и политического кризиса народничества. Капиталистическая модернизация отвергалась в принципе, как и ее основа – частная собственность. К тому времени и народники освоили марксизм, а это уже было оправдание не индивидуального, а массового террора. Как обычно на Руси, новейшее западное учение было понято как буквальное руководство к действию. Перчатка марксизма пришлась очень по руке бывшим, фактически тем же народникам – недоучившимся семинаристам, студентам-экстернам, «пошедшим другим путем». Гений Ленина заключался в том, что он смог почвенническое содержание упаковать в наукообразную западническую форму. А своевременный перехват эсеровских лозунгов и раздача земли крестьянам только довершили картину прихода большевиков к власти, оседлав волну крестьянской революции, смывшей буржуазную. В этом плане «Великая Октябрьская революция» предстает именно как реакция, как исторический спазм, срыв в архаику.

Нация рассматривалась этими интернационалистами как буржуазный пережиток, европейские социал-демократы, проголосовавшие в парламентах своих стран за военные бюджеты, были объявлены «социал-предателями», а России ленинцы откровенно желали поражения в войне и сделали для этого все возможное. Однако интернациональная пролетарская утопия не реализовалась. «Пролетарские» восстания в Германии, Венгрии, Финляндии были подавлены, не удалась польская авантюра. И, оказавшись у власти, в капиталистическом окружении, большевики были вынуждены искать союзников как внутри страны, так и за рубежом, и нашли их в... национально-освободительных движениях. Результатом этого отчаянного торга с местными элитами и стали этнофедералистская «матрешка» государственного устройства и авантюры во внешней политике.

Но показательно, что советский режим укрепился не только и не столько победой в Гражданской войне, сколько экономическими успехами НЭПа. А «черный передел» с мешочничеством были укрощены продрозверсткой военного коммунизма, разорением крестьян, не обескровить которых большевики не могли – иначе они не удержались бы у власти.

Дальнейшие события продолжили парадоксальность российского вхождения в модерн... Выборы 1925 года показали шаткость позиций большевиков, перспективу сопротивления крестьянства и поднявшего голову нового среднего класса. Поэтому «великий перелом» 1929 года имел политическую мотивацию разгрома социальной базы оппозиции. «Пролетарская» партия взяла курс на индустриализацию.

Можно долго спорить – была ли это полноценная модернизация или квази-, пара-модернизация страны... На мой взгляд, что это был не столько шаг вперед, сколько срыв в архаику. Вопреки марксизму, под флагом которого шли преобразования, реальный социализм не дал качественно более высокого уровня производительности труда. Экономическое соревнование с капитализмом было проиграно. Более того, практически все технологии, инновации были заимствованы в развитых странах. Не дал социализм и нового уровня свободы. Наоборот, было воспроизведено фактически феодальное, если не кастовое (достаточно вспомнить «лишенцев»), общество. Индустриализации предшествовала коллективизация, добившая российскую деревню. Крестьяне работали за «палочки» (трудодни), а лишённые паспортов могли уехать только по трудовому найму. Впору вспомнить марксистскую формулу о том, что ни одна формация не уходит, не исчерпав полностью свои возможности. И тогда реальный советский социализм вполне можно квалифицировать как государственный феодализм.

Но индустриализация потребовала рабочие руки, активизировала усилия по грамотности и базовому образованию, породила новую советскую интеллигенцию. Другими словами, индустриализация породила горожан, резко увеличила численность городского населения, обеспечивая его пусть и пропагандистски окрашенное, но просвещение, приобщение к научному знанию, технологиям. Тем самым было обеспечено решение ряда классических задач модернизации. Стоит добавить новые социальные лифты для крестьян и их детей, гендерное равенство.

Помимо прочего, эти процессы породили феномен массового энтузиазма 1930-х. Перед широкими массами открывались новые горизонты жизни, освященные высокими идеалами построения нового, невиданного ранее общества. Этот энтузиазм создал сохранившийся до сих пор миф о счастливом советском обществе, о великой эпохе, персонифицированной вождем, учителем народов, – и все это несмотря на массовые репрессии, выкашивавшие целые слои общества. На фоне пропаганды о «врагах», «обострения классовой борьбы» и т. п. репрессии создавали дополнительные социальные лифты, не говоря об использовании фактически рабского труда в системе ГУЛАГа.

Трагедия Великой Отечественной войны и послевоенное восстановление консолидировали социум. При этом Великая Отечественная война, восстановление, пропагандистское противостояние в «холодной войне», достижения в освоении космоса, осуждение культа личности, хрущевская «оттепель» дали новый виток гражданского самосознания.

К 1960-м годам в СССР чем дальше, тем во все большей степени численность городского населения превышает численность населения сельского. Городской образ жизни превратился благодаря медиа, культурным индуст-

стриям в целом в доминирующий – даже в сельской местности образ жизни, интерьер жилища, стиль одежды и поведения люди строят по городским образцам. Сложилось своеобразное массовое общество, постепенно приобретающее предпосылки для перехода в общество массового потребления. Сформировавшаяся номенклатура типологически близка «революции менеджеров» Д. Бернхема, открывая перспективу «конвергенции». Собственно, именно потребительские установки населения и сложившаяся партийно-хозяйственная номенклатура, пожелавшая институционально конвертировать власть в собственность, и развалили СССР, большую часть населения которого уже составляли горожане.

СССР был исторически уникальным опытом империи положительного действия: поддерживая этнофедералистский дизайн, она формировала национальные политические элиты, передавала им территории, ресурсы, помогала их осваивать, обучала национальную интеллигенцию, давала и продвигала письменность иногда заново придуманным языкам, поддерживала местные традиции, всеми силами формируя и развивая национальные культуры и политические нации. Федерализм никто всерьез не воспринимал, поскольку все решения и их реализации осуществлялись имперской структурой – КПСС. И коммунисты все прекрасно понимали – не случайно компартии РСФСР в советское время не было.

Любопытна в этом плане судьба горбачевской «перестройки», романтически предполагавшей вхождение страны в мировое экономическое и политическое пространство, отказ от холодной войны, новое мышление, гласность и прочий социализм с «человеческим лицом». Эту гуманизацию режима поддержали именно горожане – интеллигенция, бюджетники – те, кто больше всех проиграл в результате этих пертурбаций, особенно – поспешной «прихватизации». Система городских ценностей проявляется и в правовом самосознании, запросе на равенство перед законом, на идентичность не только и не столько этнокультурную, сколько гражданскую.

Казалось, что вот уже оно на пороге – либерально-демократическое общество... Но отмена руководящей роли КПСС, территориально-производственного принципа ее организации и деятельности фактически выдернули гвоздь, на котором держался СССР. Распад СССР начался с создания в 1990 году Коммунистической партии РСФСР (правопреемницей которой с 1993 года стала КПРФ). Этнофедералистский дизайн, который никто всерьез не воспринимал, национальная политика, понимавшаяся как формирование культуры – национальной по форме, но социалистической по содержанию – новой исторической единой общности – советского народа, неожиданно наполнились реальным содержанием. Это содержание было именно национально-буржуазным. Сформировавшиеся национальные элиты решили стать полноценными хозяевами своего «бутика».

А бывшая партия интернационалистов трансформировалась в партию отчетливо иной ориентации – с национальными и даже конфессиональными установками.

Более того, у этих горожан возникла вполне естественная потребность гордиться своей Родиной. Этот естественный буржуазный национализм не был правильно понят некоторой либеральной общественностью. Нельзя в этой связи не отметить драму либерализма и правозащиты в современной России. В интернациональном СССР декларировалась защита этнических меньшинств, женщин, детей, фактически действовали институты ряда гражданских прав. И при этом активно декларировались и пропагандировались интернационализм, новая историческая общность «советский народ». В современной же России идеи правозащиты, либеральной демократии не востребованы и отторгаются. Бывшие советские правозащитники не признали национализм новой буржуазии, а та не увидела места в новой жизни своим буреветникам. Пик этой волны буржуазного национализма пришелся на события 2014 года – ровно через 100 лет. Государство же взяло твердый курс на поддержку «стабильных режимов», дистанцирование от сторонников сецессий.

Стало ли это новой волной «домодернизации» страны, новым этапом буржуазной революции? Отчасти и несомненно – да. Появились новые собственники, предприниматели... 2000-е годы «тучных коров», особенно в больших городах, как уже отмечалось выше, зародили основы нового самосознания. В этом плане Россия в цивилизационном тренде: буржуазные революции продолжаются: распад колониальной системы (с сохранением контроля местной национальной буржуазии над территориями в старых колониальных границах!), дораспад Австро-Венгерской империи (Югославия, Чехословакия), современные Каталана, Шотландия, Бельгия, Северная Италия – горожане (буржуазия) огораживают свои «бутики».

И в России сформировалось уже не менее двух поколений людей, у которых появились свои квартиры, машины, у некоторых бизнес, и у них появился запрос на жизнь по правилам. Не виданное ранее – в полночь на пустом перекрестке люди стоят и ждут зеленый свет светофора! Это продемонстрировал довольно массовый гражданский протест 2011 года против фальсификаций на выборах в Госдуму. Протест был именно гражданский, а не политический. Таким же гражданским протестом был и протест против коррупции 26 апреля 2017 года.

Нельзя не отметить смысловой сбой. Новые буржуа вышли на улицы, по сути, с гражданским протестом. Но власть, призванная обеспечивать гражданство, заговорила с обществом на языке культурной идентичности, которая была и осталась архаичной. Формирование нации может идти «снизу» – на базе аккультурации («русскость»), и «сверху» – на базе

правовых институтов («российскость») [5, с. 142]. В современной России все наоборот: государство («сверху») апеллирует к культурно-историческому наследию, а граждане («снизу») – к правовым гарантиям.

В результате современный российский социум не воспринимает идею гражданской идентичности, на которой основывается буржуазный национализм. Сказываются наследие советской национальной политики, породившей этнофедерализм, а также отождествление этничности и национальности (достаточно вспомнить пятую графу в паспортах, где этническая принадлежность обозначалась как национальность).

Да и патриотический энтузиазм проявляется в непроизводительных формах. Например, в форме «диванной поддержки» славных побед на международной арене над недругами России, демонстрируемых на экранах телевизоров. Или в других сферах потребления: ношении патриотичных футболок, бейсболок... И на этом фоне – реально – социум не консолидирован. Дело даже не в социальном неравенстве, а в пронизывающем все уровни и формы социума недоверии.

Парадоксальность этого этапа буржуазной революции в России в ее реакционности, акцентировании исторической памяти, отсутствии образа будущего и пути к нему. В результате похоже, что и национальная идентичность – «не совсем национальная», а в большей степени выражает имперское и постимперское самосознание, гордость за имперское прошлое и фантомные боли его утраты. Русские были и остаются «племенем власти» (М. Гефтер, Г. Павловский). Однако если до последнего времени российский либерализм, как продукт Петровских реформ был удивительно поверхностен и не укоренен в социуме, то теперь он получает реальную социальную базу.

Но все это уже выводит за рамки данного рассмотрения, главным итогом которого можно признать, что буржуазная революция, которая причудливым образом длится в России уже более столетия, все еще далека от институционального завершения.

Тульчинский Григорий Львович – доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургского государственного университета.

190008, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16.

Grigoriĭ L. Tulchinskii – Sc.D. in Philosophy, professor, Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg State University.

190008, 16 Souza Pechatnikov Str., Saint Petersburg, Russia.

gtul@mail.ru

Список литературы

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 804 с.
2. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое изд-во, 2008. 464 с.
3. Харрисон Л., Хантингтон С. (ред.) Культура имеет значение. М.: МШПИ, 2002. 320 с.
4. Медиация как социокультурная категория // *Философские науки*. 2013, № 11, с. 34–52 (Часть 1); № 12, с. 53–73 (Часть 2); 2014, № 1, с. 58–72 (часть 3); 2014, № 2, с.39–64 (Часть 4); 2014, № 3, с. 64–83 (часть 5); 2014, № 4, с. 110–122 (Часть 6); 2014, № 5, с. 132–149 (Часть 7).
5. Миллер А. И. Нация, или Могущество мифа. СПб.: Изд-во ЕУ СПб., 2016. 146 с.
6. Никольский С. А. Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. М.: Институт философии РАН, 2017. 125 с.
7. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М.: Ин-т Гайдара, 2011. 480 с.
8. Тульчинский Г. Л. Осмысление российских модернизационных инверсий: от А. Ахиезера к С. Хедлунду // *Россия 1917–2017: Европейская модернизация или особый путь? СПб.: Леонтьевский центр, 2017. с. 69–90.*
9. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: ИД ВШЭ, 2015. 424 с.

References

1. Ahiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sociokulturnaya dinamika Rossii). T. 1. Ot proshlogo k budushchemu. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1998. 804 s.
2. Ahiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. Istoriya Rossii: konec ili novoe nachalo? M.: Novoe izd-vo, 2008. 464 s.
3. Harrison L., Hantington S. (red.) Kultura imeet znachenie. M.: MSHPI, 2002. 320 s.
4. Mediatsiya kak sociokulturnaya kategoriya // *Filosofskie nauki*. 2013, № 11, s. 34–52 (Chast 1); № 12, s. 53–73 (Chast 2); 2014, № 1, s. 58–72 (chast 3); 2014, № 2, s.39–64 (Chast 4); 2014, № 3, s. 64–83 (chast 5); 2014, № 4, s. 110–122 (Chast 6); 2014, № 5, s. 132–149 (Chast 7).
5. Miller A. I. Naciya, ili Mogushchestvo mifa. SPb.: Izd-vo EU SPb., 2016. 146 s.
6. Nikol'skij S. A. Imperiya i kultura. Filosofsko-literaturnoe osmyslenie Oktyabrya. M.: Institut filosofii RAN, 2017. 125 s.
7. Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i socialnye poryadki. M.: In-t Gajdara, 2011. 480 s.
8. Tulchinskij G. L. Osmyslenie rossijskih modernizacionnyh inversij: ot A. Ahiezera k S. Hedlundu // *Rossiya 1917–2017: Evropejskaya modernizatsiya ili osobyj put?* SPb.: Leontevskij centr, 2017. s. 69–90.
9. Hedlund S. Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshchestvennaya nauka. Sposoby ob"yasneniya sistemnogo provala. M.: ID VSHE, 2015. 424 s.